

«И тут Гранин позволил себе вольность, спросил: а что, Сталин интересовался такими подробностями, как, кто, с кем и почему встретился? И вдруг Косыгин, слывший интеллигентом, ударил кулаком по столу: не вам судить о Сталине!»

Шесть серий телефильма Даниила Гранина «Блокада» – это то, что все мы, люди, должны знать и помнить

Гранин – удивительный рассказчик. Ни позы, ни актерства: раздумье много пожившего на свете, много испытавшего и знающего человека. Так вести себя перед камерой, как будто ее и вовсе нет, дано не каждому. А сколько людей сегодня стремятся на экран телевизора, этого всеобщего божества! Не беда, что нечего сказать, зато – себя показать, чтоб знали, видели: вот он – я! Долгий рассказ Гранина порожден иными чувствами: нельзя унести с собой то, что должно знать людям, помнить. Как говорят в таких случаях, Господь не велит. Вот сидит Гранин на коммунальной кухне, которых столько было в Ленинграде и столько в Петербурге сейчас, разговаривает с почтальоном Натальей Сидоровной Петришиной. И он, и она весьма не молоды, он был тогда командиром танковой роты на Ленинградском фронте, она все девятьсот блокадных дней носила почту, взбиралась по обледелым лестницам, на ступени которых обессилевшие от голода люди выливали помой, и она, тоже обессилевшая, все же взбиралась, потому что письмо иной раз означало жизнь. Вот так подняла она человека, который уже лег, покорился, готов был принять смерть как избавление. А она принесла ему письмо от единственного сына с фронта, читала

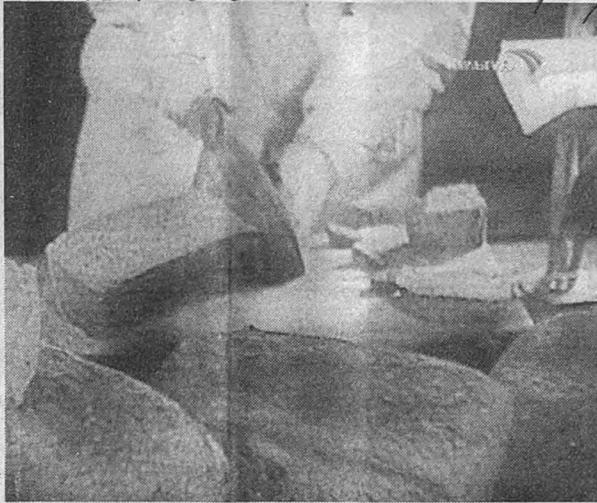
но, завтра прибыть одному Гранину. Честно говоря, мне показалось, что рассказ этот снимался не сейчас, а ранее: помолодевший лет эдак на десять, соответственно приодетый Гранин, прогуливаясь по пустому кремлевскому кабинету Сталина, в котором в дальнейшем помещался Косыгин, рассказывает, как они сидели тут за маленьким приставным столиком, и запрещено было пользоваться магнитофоном, в блокноте записывать можно, но записи в дальнейшем показать. И вот такая история: под новый 1942 год поздно вечером Косыгин работал в Кремле, позвонил председателю Ленгорисполкома Попкову: все-таки Новый год, надо бы как-то отметить. Встретились втроем: Косыгин, Попков, известный экономист Вознесенский, решили посмотреть в комитете по кинематографии какую-нибудь комедию, потом поужинать. Во время просмотра позвонил Сталин, вызвал Косыгина к себе, но предварительно подробнее расспросил, как именно они трое оказались вместе, как сговаривались. И тут Гранин позволил себе вольность, спросил: а что, Сталин интересовался такими подробностями, как, кто, с кем и почему встретился? И вдруг Косыгин, слывший интеллигентом, ударил кулаком по

угодливой лжи. Сколько даже в самом себе надо было преодолеть. Высочайше, например, был одобрен и широко издавался так называемый роман (не буду упоминать автора, его уже нет в живых), в котором утверждалось, что немцы подошли к Москве не потому, что мы отступали, а потому, что это был наш стратегический план: заманить их и тут разгромить. И вот – «Блокадная книга», страшная правда, записать и рассказать которую Алесь Адамович сподвигнул Гранина. Блокада, говорит сейчас Гранин, это и страдание, и героика, и преступление. Известно, что Бадаевские склады, где сосредоточено было продовольствие, не рассредоточили, хотя еще до войны знали по выводам комиссии, что они пожароопасны. И конечно же немцы, у которых разведка работала, сразу разбомбили и сожгли их, обрекли ленинградцев на голод. Но мало того. Оказывается, эшелоны с продовольствием, которые мы до последнего часа гнали в Германию, Микоян, когда началась война, решил повернуть в Ленинград, но Жданов воспротивился, заявил, что для этого нет складов: у него были плохие отношения с Микояном. И он специально звонил Сталину, и тот утвердил его решение не принимать эшелоны.

ЕСЛИ ВЫ – ЧЕЛОВЕК

З Р И Т С Е Л Ь

Москва, Новости - 2003 - 17 апреля 125

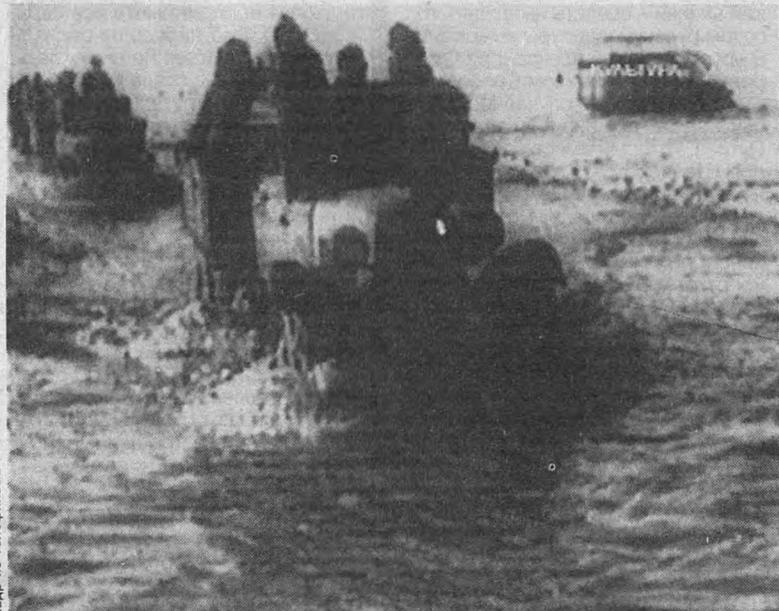
Блокадный паек

фронте. Дети умирали на глазах, и что она придумала, это только мать могла придумать. Она надколола себе вену и дает детям сосать свою кровь... Когда их эвакуировали через Ладогу и муж очутился на той стороне, он искал их, нашел ее среди эвакуированных, и когда увидел эту старуху, изголоданную голодом, он ничего не мог сказать, он снял шапку. Голод открыл нам совершенно удивительные возможности чело-

суги дела, кто для нашей власти страшней: наступавшие фашистские армии или советские люди, загнанные в лагерь. И всю войну позади фронта, за нашими спинами, работала страшная машина уничтожения. За время войны военные трибуналы (а суд творили и без них, заградотряды стреляли прямо на поле боя), так вот, военными трибуналами за годы войны было осуждено 994 тысячи солдат и офицеров, а свыше 157 тысяч из них (счет на тысячи, одна человеческая жизнь вообще ничто) было расстреляно. Это пятнадцать дивизий! Такие бы силы на Волховский и Ленинградский фронты, да умных командующих во главе, они бы давно разорвали блокаду. Но и после войны страдания ленинградцев не кончились. Сталин назвал Николая Вознесенского в качестве возможного своего преемника на посту Председателя Совета министров: он сам, мол, уже стар... Это был смертный приговор. В Ленинград приехал Маленков громить Ленинградскую партийную организацию, началось Ленинградское дело. Гранин рассказывает, как Вознесенский, не Николай, а Александр, очнулся на полу после страшных пыток и видит: сидят за столом Берия, Маленков, Булганин. И он попросил их: скажите товарищу Сталину, что я ни в чем не виноват. И Булганин – помните по портретам: благообразное лицо, седенький клинышек бородки – стал топтать его маршальскими сапогами, матерясь при этом. И потекли, потекли эшелоны с недавними блокадниками в лагерь и на расстрелы: Сталин как раз ввел вновь отмененную было после войны смертную казнь.

... А у меня в памяти и перед глазами: Пискаревское кладбище, канцлер Германии и наш президент возложили венок, вместе поклонились праху мучеников и героев. И мы, победители, сегодня в финансовом долгу перед побежденными. Когда взлетел в космос наш спутник, поразив весь мир, Владимир Тендряков, покойный ныне, был в деревне. Он рассказывал, как разговаривает он с председателем колхоза, разговаривали они в коровнике, и председатель колхоза сказал: «Хорошо будет видать сквозь крышу, как он летает...» Вся солома с крыши была скормлена скоту. Наше поколение уходит. И если, уходя, мы оставляем не постмодернистские кривляния, а художественное или публицистическое, но честное свидетельство и осмысление времени, то и этого довольно. Мы уйдем с сознанием исполненного долга.

Григорий БАКЛАНОВ, писатель

Через Ладогу

За водой

ему вслух. И ожил человек, поднялся. Мало того, в благодарность отдал ей кусочек хлеба из тех своих 125 граммов. И она, голодная, брать не хотела. Упросил. Возможно, единственная из почтальонов за труд свой, за подвиг беспримерный, награждена была она орденом Ленина, но до шестидесяти девятого года, до шестидесяти девятого года, повторил Гранин, она продолжала жить все так же в общежитии, а потом дали клетушку при коммунальной кухне. – Ну что это за страна, – из души вырвалось. – Что это за страна, где так обращаются с людьми! С лучшими людьми. А вот рассказ – о Косыгине. Косыгин участвовал или даже руководил созданием Дороги жизни. По этой дороге, по льду Ладожского озера, как известно, вывозили оборудование, вывозили раненых, детей, везли в Ленинград хлеб, все это под обстрелом немецких батарей – тоненькая нить, еще не перерезанная блокадой. И вот Алесь Адамович и Даниил Гранин, работая над «Блокадной книгой», попросили Косыгина о встрече, а он в то время был уже Председателем Совета министров. Прошло полгода. И вдруг – звонок: сроч-

столу: не вам судить о Сталине! Это было так грубо, говорит Гранин, так жестоко. Не знаю, достало бы у меня решимости встать, поблагодарить и на том закончить беседу. Не знаю. Мы – люди того времени. Это те, у кого единственным испытанием в жизни было искушение, те сегодня судят легко. И шестидесятников вытаскивали в годы перестройки с легкостью, освобождая себе место в литературе. Но Гранин честно рассказывает о том, что и как было. В дальнейшем, уже после войны, в ходе так называемого Ленинградского дела и Попков и Вознесенский после страшных пыток были расстреляны. Могло ли это не опануть страхом Косыгина? Удивляться ли, что раб и господин уживались в одном сердце? Я читал в свое время «Блокадную книгу», созданную Алесем Адамовичем и Даниилом Граниным, она не написана, она выстрадана, ведь надо было взять в сердце страдания людей, которых они записывали день за днем, а страдания эти были безмерны. Кто вообще помнит, кто знает сейчас, что значило в те времена написать (уж не говорю – напечатать) правду о войне среди потока

Все девяносто блокадных дней, когда ленинградцы вымирали, первый секретарь Ленинградского обкома партии, член политбюро Жданов страдал от ожирения, возможно, у него был плохой обмен веществ, а «вещество» хватало. На всех фронтах было тяжело, но героически сражавшийся голодный Ленинградский фронт был все же особый фронт: его бойцы и командиры не только защищали город, за спинами многих из них, в каких-нибудь шестнадцати, двадцати километрах от передовой, были их умиравшие от голода семьи. Немецкий ученый, вычисливший для армии, в какой срок вымрут ленинградцы, а потому не надо брать город штурмом, надо выждать (Адамович и Гранин разыскали его в Германии, беседовали с ним), поражался, почему его прогнозы не сбылись, как обреченные люди выжили? Согласно энергетике медицинской, человек должен был умереть, – говорит Гранин, – а не умер в силу своей ответственности, любви, долга перед детьми, перед близкими. Запомнился, конечно, рассказ Лидии Охалкиной. У нее было двое детей, муж был на

века и нравственные и физические, – говорит Гранин. – Может быть, главное было не спектакли, не то, что в филармониях происходили концерты, а главное было то ощущение, которое существовало среди жителей, среди блокадников, желание помочь друг другу, чувство милосердия, которое вдруг проснулось в людях блокадного города. Спасались большей частью те, которые спасали других... Многие из них тоже умирали, но умирали, не расчеловечиваясь, сохраняя себя как человека. А теперь спросим себя: как случилось, что уже в первые месяцы войны фашистская армия подошла к Ленинграду? У нас к началу войны было столько танков, столько самолетов... Трагедия 41-го года началась в 37-м году, когда Сталин процесс за процессом уничтожал командные кадры Красной Армии. Когда немцы стояли уже под Москвой и у нас на километр фронта оставалось по семь легких орудий, а снарядов почти не было и не хватало винтовок, решали, кому отдать винтовки: стрелковой дивизии, отпарывавшейся на фронт, или охранной дивизии Берии. Это ведь решалось, по

кадр из телефильма

кадр из телефильма